

"Я ХОРОШО ПЕЛ. НО ГДЕ МОЙ ТЕАТР?.."

Первого февраля исполняется 120 лет со дня рождения гениального артиста, выдающегося деятеля музыкального театра, великого русского художника Федора Ивановича ШАЛЯПИНА

Сочини - Санкт-Петербург - 1993. - 30 с. - 3

Творчество замечательного певца, так и не «прижившегося» в Мариинском театре, а с приходом к власти большевиков — и в горнило им любимой России, фактически стало началом новой эры в музыкальном театре. Созданные Федором Ивановичем вокально-сценические образы и поныне остаются высочайшим эталоном — неким «горизонтом» искусства, к которому даже самым одарённым артистам последующих поколений суждено лишь приближаться...

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию все замечательного музыкального критика Александра Койтыва — ныне, увы, известного лишь узкому кругу специалистов. Эрудированный и глубокий музыкант, в своей публицистике он сочетал прекрасный стиль и искренность изложения с не менее ярким чувством юмора. Его статья, опубликованная в «Виржевых ведомостях» 18 августа 1907 года, дышит свежестью и непосредственностью впечатлений — быть может, кто-то из нас хоть на мгновение осязает себя современной российской гением...

Он родился Мефистофелем. Это недоразумение, что его назвали Федором Ивановичем и что метрика указывает его рождение в 1873 году в Казани. Дух зла и отрицания, он отделился некогда от Предвечного, объявив ему войну, — чем и влюбился Гете. Последний втиснул его в рамки немецкой поэмы, солидной и гениальной, как готический собор Кельна, — но, в сущности, слишком ограниченной для его мятежной души. Затем пришел изящный француз Гуно, но в шаб-

лонных рамках того ему стало еще теснее, еще мятежнее.

И вот он перерос и немца, и француза — и назывался Шаляпиным, который вот уже несколько лет дивно смущает наши души. Вчера он появился в Олимпии, ворвавшись туда, как стихия, как свободный ветер, срывающий двери и смело прогуливающийся по дому. Благодатная гроза, освежающая время от времени театральный воздух!..

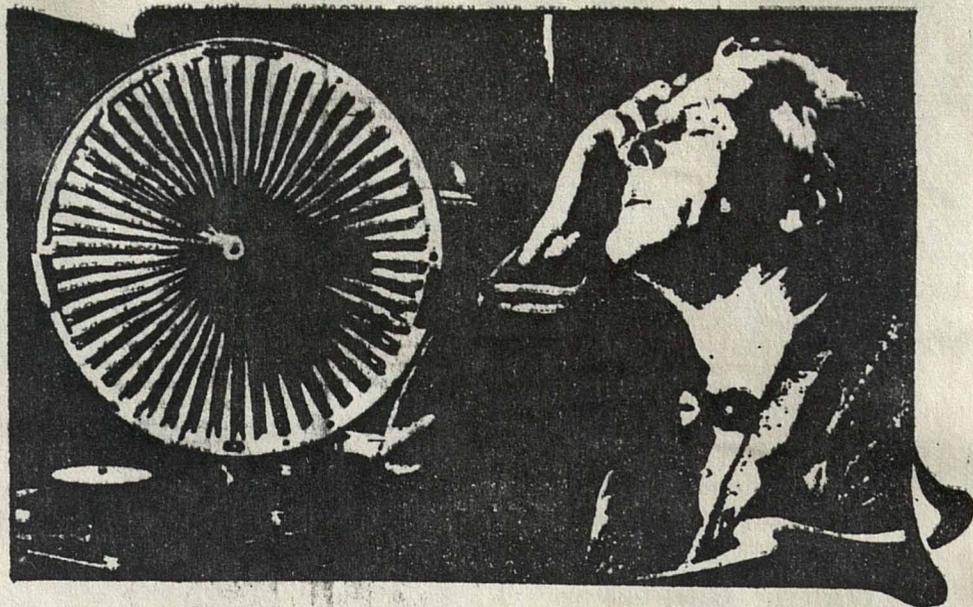
Наш милый чорт только что вернулся из своего итальян-

ского поместья, где он отдыхал, набирая сил, чтобы соблазнить своим дивным гением как можно больше душ.

А тут промелькнул Париж с его русскими концертами, где Мефистофель соблазнил учащуюся молодежь: она учинила в его честь дебош, так что уже не слушали бедного Никиша — и тот позорно бежал со своим оркестром от русского чорта. А чорт умялся: он видел вокруг себя фаустов-антрепренёров, которые так и рвались подписывать его бумагу или контракты.

Уже Нью-Йорк продавался нашему чорту, который (очевидно, на волшебном плаще) перепорхнет туда в сентябре. А в пост его вновь будет приветствовать миланская Scala.

Начиная с грима, это был настоящий чорт: на лице — не морщины, а какие-то утесы и скалы; лицо существа, жившего вечно. Как вы достигли этого, Федор Иванович? Как получилось это соединение бестрастия с демонизмом, милый Мефистофель Иванович? Чувствуется, что такой чорт глядит на все с точки зрения Вечности. Это уже что-то новое.

Я ожидал, что Мефистофель завертит Зибелю в вихре вальса (постыдный трюк артиста, который несколько надоел); ожидал это дивное parlando на слове «соблазнитель» (обращение к Зибелю); ждал и заклинаний цветов, когда Шаляпин не принимает, как другие артисты, банальной позы среди куртины, а обходит кругом цветов, делая мистические пассы.

Но этого не ждал: когда Мефистофель делал реплики глупой и пошлой Марте, казалось, что он говорит сам с собою, смеется вглубь самого себя. Окружающее существует для него только как символ, как намере на то, что он видел раньше. Вот новое толкование Шаляпина — чертовски прекрасного чорта. Изменена и сцена с крестом: наш Мефистофель уже не извивается

и не дрожит, как раньше, перед ним — но все страдание, вся мимика сосредоточены в его лице.

Опасно молодым людям смотреть заключение третьего акта: шаляпинский смех смутит их любовь, их первое робкое чувство. И когда артист с удивительно злою усмешкою срывает розу и бросает её в обнявшуюся пару, мне жаль становится Маргариты.

Многие еще чудес рассказал нам дивный пришелец и тогда, когда пел песню о тельце (поторена под гром аплодисментов), и тогда, когда брядал на гитаре свою ужасную серенаду Маргарите (тоже bis).

Прикинувшись чортом, я пошел с ним немой разговор — я вот гениальный чорт поведал мне тайну успеха:

— Я люблю искусство до

самозабвения — так, что поневоле исполнение становится искренним. У нас, в аду, я раздобыл себе адское терпение и адский труд, чтобы до мелочей отделять партию: я люблю работу!

— А я люблю жалованье! — сказал прохладивший мимо телор, увидевший, прежде чем расцеловаться.

— А я люблю красивое трико! — сказала молодая меццо-сопрано, подающая опереточные надежды.

И вслед им послышался шаляпинский смех, полный скорби и сарказма. Два различных мира.

Подготовил
Кирилл ШЕВЧЕНКО
(В публикации сохранены некоторые особенности орфографии автора)